

Н. В. ШАРЛЕМАНЬ

Заметки к „Слову о полку Игореве“

„Заря свѣтъ запала“

Один из первых переводчиков „Слова о полку Игореве“ А. М. Белосельский в конце XVIII века заметил: „Сия поэма написана на исходе XII ст. на словено-русском языке, но столько встречается в ней мало-российских названий, что не знающему польского языка трудно и понимать“.¹ Еще определенной высказался В. Пассек: „Бессмертное Слово о походе Игоря есть произведение Малороссии“.² М. А. Максимович³ сближал украинские народные песни со „Словом о полку Игореве“. Как ни относиться к односторонним высказываниям первых двух авторов, все же нужно согласиться, что в древнерусском языке, в частности в „Слове о полку Игореве“, содержится большое количество слов и выражений, полностью сохранившихся в современном украинском языке. Да иначе и быть не могло, так как „Слово о полку Игореве“ — произведение общего предка трех народов: русского, украинского и белорусского.

К созвучным современному украинскому языку выражениям принадлежит фраза „заря свѣтъ запала“.

Памва Берында, который, судя по подбору ряда слов в „Лексиконе словеноросском“ (1627), был знаком со „Словом о полку Игореве“,⁴ слово „заря“ переводит как „зоря, свѣтлость“. Возможно поэтому, что „заря“ и „свет“ в древности были синонимами.

Издатели первого печатного издания „Слова“ интересующую нас фразу перевели: „свет зари погасает“. Д. Дубенский⁵ почти полвека спустя интерпретировал это место так: „заря с светом пропала“. В комментарии он писал: „заря запала — заложила, залегла свет, от глагола западати“. О. Огоновский⁶ утверждал, что слово „свет“ является „придатком“ (attribution) к слову „заря“, поэтому с последним и согласован глагол „запала“. Всю фразу он перевел так: „Довго ніч меркне, заря світлая запала, и мгла поля покрила“.

Акад. В. Н. Перетц⁷ привел несколько параллелей к слову „запала“ в значении „заповедала, пропала“ и т. д. Присоединившись к толкова-

¹ Л. К. Ильинский. Перевод „Слова о полку Игореве“ по рукописи XVIII в. Памятники древней письменности и искусства, вып. CLXXXIX, Пгр., 1920.

² Воспоминания Т. П. Пассек, т. II. СПб., 1906, стр. 163.

³ Украинские народные песни. М., 1834.

⁴ В „Лексиконе“ Берынды встречаются слова: лепо, див, славий, ворон, волк, пардус, кур, заря, свет, волна, сморщ (смерч), туалы и т. п.

⁵ Слово о полку Игореве. М., 1844, стр. 47.

⁶ О. Огоновський. Слово о полку Игоревѣ, поетичний пам'ятник руської письменності XII віку. Львів, 1876, стр. 50.

⁷ В. Н. Перетц. Слово о полку Игоревім. Київ, 1928, стр. 180.

нию О. Огоновского, он считал, что наиболее правильным было бы „запала“ понимать в украинском значении — „зайнялась“ от глагола „палати“. Такое толкование он обосновал примерами из оригинальной и переводной древнерусской литературы. Однако на это авторитетное высказывание не было обращено должного внимания: переводчики и комментаторы продолжали переводить „запала“ то как „уронила“ (Д. С. Лихачев),¹ то как „задержала“ (И. А. Новиков), то как „гаснет“ (Л. И. Тимофеев). Правильнее понял это место В. И. Стеллецкий,² в переводе которого читаем: „заря свет зажгла“. По тому же пути пошел и Н. А. Заболоцкий,³ заменив лаконичное выражение „Слова“ длинной фразой: „засветился утренними зорями восток“.

Украинское понимание слова „запала“ находим у большинства украинских авторов. Еще в 30-х годах XIX века И. Вагилевич⁴ в переводе „Слова“ прозой дал такую трактовку: „зорі світ запалав“. В датированном 1860 годом стихотворном переводе С. Руданского⁵ читаем „заря — світ запала“. В переводе В. Ю. Федьковича,⁶ выполненном, как полагают, в 1866 году, сказано: „зоря запала“. В. Щурат⁷ в 1907 году перевел это место как „зоря пале“. Наконец, в советской украинской литературе в переводе М. Ф. Рыльского⁸ читаем: „зоря світ-день ізвістувє“. К такому пониманию фразы присоединился и комментатор украинского академического издания „Слова“ Л. Е. Махновец.⁹ Только М. К. Грунский¹⁰ понял это место своеобразно: „зоря — світ запізнався“.

Смысловый анализ цитированной фразы убеждает нас в правильности ее понимания большинством украинских авторов. В „Слове“ дано чудесное описание утра: долго ночь меркнет, заря-свет запылала, мгла поля покрыла, щекот соловьиный уснул, говор галочий пробудился. В этой точной картине ничто не может быть изменено: когда кончается „долгая“ (для войска, с нетерпением ожидающего первого боя) ночь, когда поля покрывает предрассветная мгла, когда умолкает ночное пение соловьев и слышатся первые крики проснувшихся галок, то в это время на небе пылает заря — приближается восход солнца. В такие мгновения свет зари не „гаснет“, заря не может „уронить свет“, этот свет не может и „опоздать“ („запізнитися“), он может только пылать, может „гореть“, как в „Полтаве“ у А. С. Пушкина.

Еще о тисе

В заметке „На кровати тисовъ“¹¹ мы высказали предположение, что упоминание тиса в „сне Святослава“ имело не только реалистическое, но и символическое значение.

¹ Слово о полку Игореве. Библиотека поэта, Малая серия, изд. 3-е, Л., 1953, стр. 181.

² Слово о полку Игореве. Серия „Литературные памятники“, Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 186.

³ Там же, стр. 204.

⁴ Слово о плъку Игоревѣ. Вид. АН УРСР, Київ, 1953, стр. 66.

⁵ Там же, стр. 106.

⁶ Там же, стр. 136.

⁷ Там же, стр. 193.

⁸ Там же, стр. 216.

⁹ Там же, стр. 27.

¹⁰ Слово о полку Игореве. Київ, 1952, стр. 76.

¹¹ Н. В. Шарлемань. Из комментариев к „Слову о полку Игореве“. Труды ОДРЛ, т. X, 1954, стр. 225—227.

Тис, как одна из наиболее твердых пород древесины, шел на изготовление различных вещей домашнего обихода, вплоть до клепок для ушатов в древнем Новгороде.¹ Его значение как символа долговечности сохранилось до нашего времени кое-где на Карпатах. В гуцульских селах в Станиславской области УССР при постройке дома стремятся заделать в стену хотя бы кусочек тисовой древесины.

Повидимому, еще большее значение имел тис при погребениях. Так, О. Огоновский² напомнил, что, по поверию древних римлян, тис (*Taxus*) считался деревом подземного мира. В „Метаморфозах“ Овидия есть строфа: *Est via declivis, funesta nubila taxo* (Ovid. *Metam.* IV. 432). Это поверие нашло свое отражение и в украинском фольклоре. В народной песне, записанной в середине XIX века, поется:

Да положить мое біле тіло на тисовій лави,
Да и зроблять на мое біле тіло труну тисовую...³

Итак, надо полагать, что „кровать тисова“ в „Слове о полку Игореве“ должна рассматриваться не только как кровать князя из прочного дерева, но и как его смертное ложе. Такое символическое значение тиса совершенно исключает вольные переводы этого места, как „кровать тесовая“ или даже „кровать сосновая“. Подобные переводы, якобы допустимые в целях большей доступности „Слова“ для читателей, в действительности вульгаризируют и искажают торжественный стиль памятника.

Еще одно замечание: некоторые переводчики и комментаторы ошибочно пишут „тисс“ (с двумя „с“). Как указал акад. Л. С. Берг, „тис“ — древнеславянское название и должно писаться с одним „с“.

„Полозие“

История перевода на современный русский язык фразы „полозюю ползоша только“ может служить примером того, как иногда правильно прочитанные первыми исследователями „Слова о полку Игореве“ некоторые „темные места“ позднее искажались. Выражение „полозюю (а после поправки Е. В. Барсова⁴ — „полозие“) ползоша только“ произвольно соединялось с предыдущей фразой и переводилось на современный язык как „сороки не стрекотали, но двигались только по сучьям“.⁵

В течение свыше 150 лет переводчики и комментаторы заставляли ползать „по лозию“ то сорок, то дятлов. Только В. Даль в „Толковом словаре русского языка“ указал, что „полозие“ в „Слове“ означает „змея“. Однако это толкование не было аргументировано.

Позднее Вс. Миллер⁶ предложил две гипотезы для объяснения этой фразы. Приведя толкование В. Даля, Миллер сперва согласился с тем, что слово „полозие“, в единственном числе „полоз“, „могло быть русским названием какого-нибудь ползучего гада“. Он упомянул также, что в польском языке словом „*roźoz*“ называют крупную змею, удава.

¹ В. Л. Янин. Великий Новгород. Сб. „По следам древних культур. Древняя Русь“, Госкультпросветиздат, М., 1953, стр. 243.

² О. Огоновский, ук. соч., стр. 93.

³ А. Метлинский. Народные южнорусские песни. Киев, 1854, стр. 371.

⁴ Е. В. Барсов. „Слово о полку Игореве“ как художественный памятник Киевской дружинной Руси, т. II. М., 1887, стр. 285—286.

⁵ Слово о полку Игореве. СПб., 1800, стр. 43.

⁶ Вс. Миллер. Взгляд на „Слово о полку Игореве“. М., 1877, стр. 245—246.

Вс. Миллер отметил еще одну интересную параллель: „Слово сань в чешском языке значит змея, это же слово до сих пор слышится в наших саях, так и полоз — название змея — находим в полозьях саней“. Это простое и, как видим дальше, вполне правильное объяснение не удовлетворило самого исследователя: он почему-то пришел к убеждению, что в данном месте автор древнего источника, „повидимому, изображает исключительно состояние птичьего царства“. „Поэтому, — пишет он, — было бы уместно находить в полозьях как-нибудь птиц, нежели гадов“. Такой птицей Миллер предложил считать „ползика“ (*Sitta*). Утверждение, что в данном месте речь идет только о птицах, ни на чем не основано. Можно найти в „Слове“ ряд фраз, в которых названы и птицы и звери: орлы, волки, лисицы, гоголь, горностаи и др. Птицы упоминаются в „Слове“ чаще других животных, надо полагать, просто потому, что в природе они встречаются в значительно большем количестве, чем звери, и в несравненно большем числе, чем змеи. Великий поэт в своем произведении и отразил эти соотношения. С точки зрения натуралиста, таким образом, вторая гипотеза Вс. Миллера не выдерживает критики. Мелкую птичку поползня — *Sitta europaea* („ползика“ — по номенклатуре Миллера) — нигде у нас не называют полозием или полозом. Среди 25 народных названий этой птички нет ни одного, которое давало бы основание для такого отождествления. На Украине поползня чаще всего называют звукоподражательно: смовз, смовзик, чмовх, сноз;¹ в Подмоскowie распространены названия — ямщик, волчок, ползунок.² Такие наименования, как поползень, ползик, являются преимущественно книжными. К тому же эта птичка не встречается на юге за пределами старых лесов лесостепной зоны, и упоминание поползня в сцене, связанной с поймой нижнего Дона, т. е. со степью, было бы диссонансом в изумительно точных описаниях природы в „Слове“. Кроме того, поползень очень часто издает громкий свист, за что он и получил у московских птицеловов кличку „ямщик“. Поэтому эта птица была бы непригодна для изображения утренней тишины в критический момент бегства Игоря. Как это ни странно, не первая, а вторая гипотеза Миллера нашла последователей. Сперва ее поддержал И. А. Новиков,³ а недавно к нему присоединился В. И. Стеллецкий.⁴ Последний даже сделал попытку подкрепить эту гипотезу новыми аргументами из области естествознания, но эти обоснования только увеличили количество ошибок в данном вопросе. А. А. Потебня⁵ отверг оба толкования Вс. Миллера, считая „сомнительной в авторе Слова мелочность изображения“. „Более заметный, — по его утверждению, — пестрый дятел еще может броситься в глаза“ и поэтому более уместен в „Слове“. „По лозию значит, конечно, не по лозняку (кустарнику), а по ветвям деревьев“, — пишет А. А. Потебня.

В последнее время И. А. Новиков,⁶ изменив своему первому толкованию интересующей нас фразы, склонился к мнению Потебни, переводя это место так: „только лазили дятлы“.

¹ Н. В. Шарлемань. Словник зоологичної номенклатури, ч. 1. Назви птахів. Київ, 1927, стр. 30.

² См.: М. А. Мензбир. Птицы России, т. II. М., 1895, стр. 794.

³ И. А. Новиков. Слово о полку Игореве. М., 1948.

⁴ Примечания к переводу. Слово о полку Игореве. Библиотека поэта, Большая серия, Л., 1952, стр. 302.

⁵ А. А. Потебня. Слово о полку Игореве. Изд. 1-е, Воронеж, 1878, стр. 146; изд. 2-е, Харьков, 1914, стр. 146.

⁶ Слово о полку Игореве. Библиотека поэта, Большая серия, Л., 1952, стр. 108.

Автор настоящей статьи в свое время,¹ пытаясь восстановить правильное понимание данного „темного места“ „Слова“, привел несколько аргументов в подкрепление толкования В. Даля. Это толкование приняли некоторые исследователи и переводчики: Д. С. Лихачев, С. И. Маслов, М. Ф. Рыльский, Н. Забила. Однако позднее это толкование встретило новое возражение. Повторяя высказывание В. С. Миллера, Л. А. Дмитриев² заметил, что „образ ползающих змей нарушает поэтическую целостность картины, в которой дается изображение только птиц“. Последнее высказывание и заставило автора настоящей статьи снова вернуться к толкованию „полозиев“. В дополнение к изложенному в предыдущей статье автора можно добавить, что еще сравнительно недавно многочисленные на нашем юге крупные змеи — полозы играли виднейшую роль и в степном ландшафте и в фольклоре. О полозах упоминается во многих источниках раннего и более позднего времени.

В XVII веке о многочисленности змей на Украине писал Самойло Величко.³ Чаще, чем других животных, упоминает змей французский инженер Боплан в своем „Описании Украины“.⁴ Встреча со змеями, в частности с крупным полозом, вблизи г. Лохвицы описана польским автором В. К. Машкевичем.⁵ Полоз якобы был „толщиною в человеческую руку и длиною почти в копьё“. Ряд сведений о полозах находим и в литературе XVIII и XIX веков. Польский ученый Габриель Ржончинский⁶ писал, что полозом (połoz) на Украине называлась крупная змея, водившаяся преимущественно в степях. Автор приводит и латинское название ее — *Coluber trabalis*, сохранившееся до наших дней в качестве синонима одного из видов полозов.

Даже в XIX веке встречи с полозом производили сильное впечатление на наблюдателей. М. Левченко⁷ описал встречу с такой змеей, длиной якобы в 5 аршин и толщиной в руку взрослого человека. Эти размеры, повидимому, преувеличены, так как в наше время наиболее крупные экземпляры полозов на Украине лишь слегка превышают в длину 2 м (т. е. 3 аршина).

Известный историк Украины Н. Ф. Сумцов⁸ утверждал, что полозы „живут и еще долго будут жить в сказаниях народа“. Высказывания Сумцова следовало бы помнить исследователям „Слова“, отрицающим толкование слова „полоз“ как „змея“. Это указание нашло блестящее подтверждение и в наше время. Полозы часто упоминаются в чудесных уральских сказах П. П. Бажова, а Мариэтта Шагинян⁹ сообщила недавно фантастический рассказ об армянском полозе „шахмаре“, рассказ, основанный несомненно на фольклоре. Чл.-корр. Академии

¹ Н. В. Шарлемань. Из реального комментария к „Слову о полку Игоре“е“. Труды ОДРЛ, т. VI, 1948, стр. 121—122.

² Слово о полку Игоре“е. Библиотека поэта, Большая серия, Л., 1952, комментарий на стр. 287—288.

³ Летопись событий Самойла Величко. Киев, 1864.

⁴ Перевод см.: Материалы, относящиеся к истории южной Руси, вып. II. Киев, 1896.

⁵ Там же, стр. 415.

⁶ G. Rzączyński. Historia naturalis curiosa Regni Poloniae. Sandomir, 1721, стр. 249.

⁷ М. Левченко. Исчезнувшие и исчезающие в южной России животные. Киевская старина, 1882, кн. 8, стр. 377—378.

⁸ Н. Ф. Сумцов. Культурные перспективы. Киевская старина, 1890, кн. 4, стр. 99—100.

⁹ М. Шагинян. Дневник писателя. М., 1953, стр. 223.

наук СССР Е. В. Зверозомб-Зубовский любезно сообщил мне, что рассказы о полозах существуют и среди населения нижнего Дона.

Подводя итог, нетрудно прийти к выводу, что полозы были широко известны на юге, где происходили события Игорева похода, и что упоминание в „Слове“ „полозиев“, крупных блестящих змей, вовсе не свидетельствует „о мелочности изображения“, как предполагал А. А. Потебня.

Фольклор с давних времен сохранил до нашего времени сведения о крупных змеях. Н. Ф. Сумцов авторитетно утверждал, что „в сказаниях о полозах раскрывается отчасти техника народного поэтического творчества“. Поэтому нельзя согласиться с Вс. Миллером и Л. А. Дмитриевым в том, что полозы в „Слове“ нарушили бы „поэтическую целостность“ картины. Наоборот, упоминание полозов в „Слове“ придает картине природы не только „поэтическую целостность“, но и особый „колорит юга“. Подобный образ употребил и М. Ю. Лермонтов. Вспомните:

Хотя бы крикнул коростель
Иль стрекозы живая трель
Послышалась! Или ручья
Ребячий лепет! . — Лишь змея,
Сухим бурьяном шелеста
.....
Скользила бережно...

Замечательно, что два гениальных русских поэта — XII и XIX столетий — нашли аналогичные образы для изображения тишины в природе, тишины, благоприятной для героев. Заметим, что ни автор „Слова“, ни М. Ю. Лермонтов не боялись нарушить „поэтическую целостность“, называя змей наряду с птицами и зверями.

Кто видел живого полоза в степи, бесшумно скользящего в траве, тот согласится с выводами, что „полозие“ „Слова“ — это змеи, полозы, — поэтический образ, затмевающий „ползающих“ сорок, дятлов, „ползиков“ и „ползунчиков“, которые действительно были бы „мелкими изображениями“.